

ЗЛАТА ЗОРИЧ

БЕЗ ПРАВА
НА ПРОЩЕНИЕ

Злата Зорич

Одержимость бандита.

Без права на прощение

<https://litres.ru/74204442>

Аннотация

После столкновения с прошлым, мне приходится бежать. Без денег, без друзей, с воспоминаниями о потерянной любви, которые ещё терзают, я пытаюсь выстроить жизнь с нуля. Снова выхожу на сцену, но теперь уже на сцену дорогого столичного клуба. Владелец — опасный мужчина с тёмным прошлым — проявляет ко мне интерес. Но именно в этот момент в мою жизнь неожиданно возвращается человек, который, как мне казалось, был потерян для меня навсегда. Однако наша встреча обернется для меня приговором...

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	9
Глава 3.	16
Глава 4.	20
Глава 5.	25
Глава 6.	30
Глава 7.	35
Глава 8.	38
Глава 9.	42
Глава 10.	45
Глава 11.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Глава 1.

Я не помнила, в какой момент все-таки пересилила истерику и села за руль. Как выехала из моего проклятого города. Мне казалось, что ноги сами жали на педаль, руки держались за руль, а я была просто телом, пустой оболочкой, внутри которой не осталось ни одного живого места.

Метель усиливалась. Снежные хлопья били по стеклу так яростно, будто небо хотело стереть меня с земли. Машина виляла, буксовала. Дворники были в унисон с голосом, звучащим у меня в голове — голосом страха, отчаяния, злости.

Каждый километр отвоевывался с боем. Каждую минуту я ждала, что вот сейчас двигатель заглохнет, что дорогу окончательно заметет, что я просто засну от усталости.

Я не помнила, сколько времени провела за рулём. До Петербурга, вроде бы, не больше часа, но точно не сегодня. Не в этом ледяном аду.

В салоне было холодно, но я даже не чувствовала этого. Только сдавленную боль в груди и какую-то тупую тяжесть под рёбрами.

Я старалась не думать. Не проваливаться в себя. Потому что если я позволю себе хоть на секунду подумать о том, что Ник остался там... Если позволю себе почувствовать хотя бы часть страха, боли, вины, хоть каплю того, что накопилось за последние сутки... Меня просто не станет.

Бездна была совсем рядом. Я ощущала её дыхание, холодное, как снег за стеклом. Мне хотелось выйти из машины, лечь на снег — и уснуть. Было бы так просто — стать снегом. Раствориться. Исчезнуть. Это бы решило разом все мои проблемы.

И если я позволю себе слабость хотя бы на секунду — эта бездна поднимется внутри и поглотит.

Но я ехала дальше.

Вспышки фар от пролетающих мимо грузовиков слепили меня и с ревом исчезали.

Иногда — в самые тёмные минуты — я ловила себя на мыслях: «А что, если один из них вдруг вылетит на мою полосу?»

Что траектория сойдётся — чуть-чуть, на полметра — и для меня всё закончится. Быстро. И, хотелось бы верить, что безболезненно.

Где-то глубоко внутри теплилась запретная, стыдная надежда, что кто-то другой, случайный, прекратит мои мучения. Оборвёт всё.

Но грузовики проносились мимо.

Судьба, словно издеваясь, продолжала вести меня вперёд — туда, где неизвестность была не менее пугающей, чем всё, что осталось позади.

Когда вдалеке появились первые жёлтые огоньки большого города — как будто Петербург протянул мне руку сквозь снежный шторм — я даже не почувствовала облегчения.

Он встретил меня холодом, пустотой и тишиной. Ни людей, ни машин на улицах. Только редкие фонари, словно маляки в этой снежной пустыне.

Я также не помнила, каким образом все-таки вырулила в нужный мне двор. Мы с Ником были здесь летом, а я приехала в разгар зимы. Все вокруг было завалено снегом, который делал дворы неузнаваемыми. Но интуиция — или что-то еще потустороннее — привела меня прямо под окна с мягким розоватым светом.

Кое-как припарковавшись, я откинулась в кресле, и только сейчас поняла, что всё тело мелко дрожит. Меня трясло. Не просто от холода — от всего, что было. От всего, что осталось позади. От крови на моих руках. От Ника, который исчез в ночи. От собственного страха. От осознания, что теперь я совершенно одна.

Какое-то время я просто сидела так, тупо уставившись во мрак за лобовым стеклом. Руки по-прежнему держали руль, но хватка постепенно ослабевала. Мне долго казалось, что, если я отпущу руль — мою точку опоры — больше никогда не смогу собраться.

Я выбралась из машины и пошла — на автопилоте, как будто кто-то другой передвигал мои ноги.

Облезлый подъезд пах точно также, как и полгода назад — пивом и плесенью. Я поднялась на нужный этаж. Нажала на кнопку звонка. Никто не ответил. Ещё раз. Пусто.

Я уже развернулась, чтобы уйти — и тут дверь открылась.

Он был именно таким, каким я его помнила: невысокий, лысеющий мужчина с влажными глазками и омерзительно масляной улыбкой. Этот липкий взгляд, скользящий по мне слишком долго... Он снова внимательно осмотрел меня с головы до ног.

Но мне было плевать. Мне нужно было где-то упасть и закрыть глаза. Если не пустит в квартиру, то я лягу прямо в подъезде.

— Алиса? — голос у него был сиплым, прокуренным. От него сильно пахло крепким алкоголем. — А где Ник?

— Он не приедет, — тихо произнесла я, едва шевеля губами. — Вернее, он будет позже... У него осталось в городе одно дело.

— Значит... Ты совсем одна, да? — пробормотал он. — Ну ладно. Ник мне все объяснил. Можешь пожить здесь пока. Проходи.

Я кивнула и прошла за ним в погруженную в полумрак квартиру.

Несколько девушек сидели на кухне на старом кожаном диване. Тусклая лампочка под потолком выхватывала из темноты их смазанные очертания.

Их было трое, может, четверо — я не разглядывала. Полураздетые, с потухшими лицами. Когда я вошла, они смолкли, перевели на меня взгляды — в них читалось любопытство, насмешка, подозрение.

Я двинулась дальше по коридору.

Павел Петрович, как он сам назвал себя, открыл дверь в комнату в самом конце коридора.

— Пока побудешь здесь, — бросил он. — Успокоишься — поговорим.

Я зашла в крошечную комнату с высоким потолком. Она была такая узкая, что напоминала пенал.

Дверь за моей спиной захлопнулась с глухим щелчком.

И ощущение, что я не спаслась, а просто добралась до другой ловушки, опустилась на меня липким облаком.

Глава 2.

Я упала на кровать, свернулась на ней калачиком и уставилась в стену.

Где ты, Ник?

Ты должен был быть сейчас здесь, со мной. Взять меня за руку, чтобы сказать: «Теперь всё кончено. Я всегда буду рядом»

Но ты бросил меня, потому что...

Захотел за меня отомстить? Не смог сдержать ярости, когда услышал о том, что со мной делали?

Но всё это уже неважно. Важно лишь то, что сейчас я одна. Одна в чужом городе, в чужом доме, в этой страшной квартире.

Я не хотела мести. Я хотела защиты.

Я бы прижалась к тебе. Легла на твои колени, а ты звал бы меня «мышка» и гладил по волосам. Ты бы закрыл меня своим телом от всего этого ужасного мира, и мне не нужно было бы думать ни о прошлом, ни о будущем. Я была бы почти счастлива.

Но ты выбрал другое.

Я хотела, чтобы Ник остался. Просто остался... живым. Потому что мой мучитель — он чудовище. С чего Ник вообще взял, что он сможет его победить? Он и так уже ранен. Едва держался на ногах, когда выводил меня из клуба.

Что он собирался сделать? Ради чего решил вернуться и бросить меня одну?

Чтобы сразиться с чудовищем, которое мучило меня годами? С человеком, который живёт в системе, у которого всё схвачено, а руки испачканы чужой кровью задолго до моей?

Ник не бессмертный. Да, он жестокий, упрямый, сильный — но куда ему тягаться с настоящим монстром?

Я не просила его мстить. Я умоляла его остаться.

Даже если мой мучитель сторит в аду на моих глазах, мне не станет легче. Потому что я уже искалечена. Переломана изнутри так, что никто и никогда не починит. И то, что мой мучитель заплатит — не исцелит меня.

Не заберёт ни одну из тех ночей, когда я задыхалась от боли. Не спасёт от того, что я чувствую сейчас — этой ледяной пустоты под кожей, этого звона в висках, этой постоянной, отравляющей мысли.

Я пыталась уснуть. Закрывала глаза. Считала вдохи. Но сознание подкидывало картинки — руки, которые тянутся ко мне и душат. Пол клуба, усыпанный разбитым стеклом. Бледное лицо Ника. Его кровь на моей груди. Метель, в которой исчезла моя последняя надежда.

Все усугублялось еще и тем, что стены в этой квартире были картонными, почти прозрачными. Всё, что происходило по ту сторону, я слышала так же ясно, как будто находилась с ними в одном помещении. Смех, крики, разговоры — всё смешалось в вязкое звуковое полотно.

Когда за стеной смолкал смех, до меня доносились звуки «работы» — стоны, шлепки. Эти звуки были со мной всё время, даже когда я проваливалась в короткий, беспокойный сон. Они стали омерзительным аккомпанементом к моим воспоминаниям.

На следующее утро я проснулась с резкой головной болью. И сразу же поняла — что-то не так. Перевернулась на другой бок, приоткрыла глаза и увидела на своей кровати девушку. Худая, даже тощая, с коротко остриженными волосами и смуглым лицом.

— Ты девушка Ника? — произнесла она, с любопытством меня разглядывая.

Я с трудом села и потёрла глаза.

— Как ты сюда попала? Я... я же вроде закрыла комнату...

— Ты правда думаешь, что здесь есть двери, которые запираются? — усмехнулась она и неожиданно добавила: — Я, кстати, вспомнила тебя. Ты же приходила тогда с Ником, да? Меня кстати Мия зовут. Можно просто Маша.

— Очень приятно, — бросила я дежурное.

Девушка слегка улыбнулась, но в ее улыбке не было тепла.

— Значит, ты та самая, которая разбила ему сердце? — произнесла она с легкой насмешкой. — Ник тогда приперся сюда пьяный в хлам. Ругался, что всё пошло к чертовой матери из-за одной... — она смолкла на полуслове.

— Это точно не про меня.

— Ну да, конечно, — улыбка девушки стала резче, злее.

— Ты, кстати, вовсе не такая, какой я представляла эту роковую героиню. Ничего особенного. Самая обычная.

Девушка потянулась, легла на бок, подперла голову рукой.

— Знаешь... а ведь я тогда его утетила. Когда он явился сюда... Такой растерянный. Ник — и растерянный! Ты представляешь? — произнесла она с явно ощутимой издевкой.

— Но, когда я легла с ним, ему сразу стало легче.

Не выдав смятения, я с трудом выдавила:

— Рада за вас. А теперь можешь, пожалуйста, уйти?

Девушка прикрыла глаза на минуту, смакуя свою сомнительную победу. Когда она снова взглянула на меня, ее голос звучал издевательски:

— Ты просто не знаешь, что потеряла. А может, оно и к лучшему.

— Выйди, пожалуйста, — произнесла я снова.

Девушка поднялась с постели, потянулась, легонько потёрла глаза. Когда она дошла до двери, я всё-таки не удержалась:

— Подожди... А... А одежда какая-нибудь у вас есть?

О еде я просить не решила, полагая, что это будет слишком нагло. Но и на эту скромную просьбу она только коротко, с издевкой хмыкнула. И сразу вышла, легонько притворив за собой дверь.

Я села на кровати, подтянула колени к лицу и закрыла глаза. Боль в животе всё отчётливее напоминала о том, что я ничего не ела уже два дня.

Когда я почти смирилась с тем, что мне придется умереть здесь от голодной смерти, дверь слегка приоткрылась. В комнату заглянула та же девушка — в одной руке у неё был свёрток с одеждой, в другой тарелка с заветренными бутербродами.

Не произнеся ни звука, она всё это поставила на полу у двери, как будто для собачки, и выскользнула обратно в коридор.

Я с трудом поднялась и взяла тарелку. Еда казалась безвкусной, почти резиновой, но я всё равно съела всё до крошки — нужно было как-то выживать. Вещи, что принесла девушка, были старыми и уродливыми, но всё же лучше тех, что было на мне. По крайней мере, на них не было засохших пятен чужой крови.

Так прошло несколько дней. В томительном ожидании. В убийственном неведении. Я даже не могла никому позволить, потому что Ник запретил, и я боялась, что своими попытками выйти с ним на связь сделаю только хуже.

Наступил Новый год. Я могла бы сказать, что это худший Новый год в моей жизни, но, кажется, почти все они у меня были довольно погаными. С того момента, как исчезла мама.

Я сидела у окна и слушала, как где-то внизу гремит музыка, как кто-то на улице кричит «ура», как хлопают салюты. В атмосфере всеобщего праздника и веселья особенно остро ощущалось насколько я одинока. Запертая в этой крошечной комнатке в питерском борделе, как в тюрьме.

Ник не звонил.

Новогоднее затишье закончилось, город вернулся к привычной жизни, а с ним вернулся поток клиентов. Работа в борделе закипела с новой силой — смех, ругань, звуки закрывающихся и открывающихся дверей, топот ног по коридору. Девочки работали, не покладая рук и остальных частей тела. Потокom лиц и тел смазывало всё человеческое, что в них ещё оставалось.

Где-то на задворках этой движухи затаилась я. Искренне надеясь, что про меня забудут.

Но хозяин каждый день заглядывал ко мне с одним и тем же вопросом — не звонил ли мне Ник.

— И чего ты тут сидишь? Такая молодая, здоровая... — сказал он однажды, пронзив меня взглядом. — Знаешь, сколько я теряю в день из-за простоя этой комнаты?

Когда я отвернулась, лишь стиснув чашку покрепче, он с угрозой добавил:

— Мои терпение не резиновое.

Я чувствовала нависшую надо мной угрозу. Понимала, что дольше оставаться здесь нет смысла. Но все же до последнего надеялась, что в один из дней на пороге внезапно появится Ник. Мы же договорились с ним именно здесь встретиться. Если я уйду, как он меня найдет? И куда я пойду без копейки в кармане?

Уже через пару дней наступила развязка, после которой я пожалела о том, что вообще когда-то сюда пришла.

Дверь в мою комнату с грохотом распахнулась, ударившись ручкой о стену. Я вздрогнула, села на постели, подтянула колени к подбородку. В комнату ввалился Павел Петрович — в доску пьяный. Лицо красное, глаза мутные.

— Водить умеешь? — произнёс он, с трудом выговаривая звуки.

Я потеряла способность говорить, застыла на месте от страха

— Водить, сука! Руль держать можешь? — мужчина перешёл на крик.

Не смея спорить с ним, я лишь коротко кивнула.

Он выудил из кармана связку ключей и с размаху кинул мне на кровать.

— Отвези девочек на вызов. Я... — он покачнулся, схватившись за дверной косяк. — ...не могу сегодня. Мне что-то нехорошо. Подменишь меня, поняла? Хоть какая-то будет от тебя польза.

Не дождавшись ответа, старый сутенер с трудом выпрямился и, шаркая ногами, покинул комнату.

Глава 3.

Я взяла ключи, спешно оделась и вышла на улицу. Вести мне предстояло старенькую легковушку — куда делась дорогая машина Ника, я боялась спросить.

Девушки высыпали из подъезда следом за мной — короткие куртки плохо защищали их от пронизывающего, ледяного ветра, они ёжились, топтались на месте, посмеивались нервно. Я завела мотор, чтобы прогреть машину. Руки у меня дрожали — я очень плохо знала город, едва умела водить, да и водительских прав у меня не было. Но спорить с хозяином борделя было страшно. За отказ он мог просто выгнать меня на улицу в эту морозную ночь.

Каким-то чудом мы без приключений добрались до нужного места — оказалось, что это совсем недалеко. Я притормозила у нужной парадной, и девушки выскользнули наружу. Позвонили в домофон, что-то наигранно весело прощбетали туда, и им открыли. Дверь подъезда захлопнулась с глухим скрежетом — всё, доставка выполнена.

Но едва я успела с облегчением выдохнуть, как дверь снова открылась, и девушки высыпали обратно на улицу с раздраженными, растерянными лицами. За ними следом вышли несколько полицейских. Один из них подошел ко мне, постучал по стеклу, скомандовал «на выход».

— Контрольная закупка, — произнес старший из них с

явными нотками ликования.

Девушек подвели к машине и начали неторопливо защелкивать на них наручники с такими победоносными лицами, будто только что поймали страшных преступников.

Мне казалось, что я нахожусь в каком-то дурном сне — я даже поморгала, пытаясь проснуться. Но, к сожалению, реальность никуда не исчезла, и мне пришлось выйти из машины и тоже позволить им себя арестовать. На мои руки легли холодные металлические браслеты. Всё вокруг стало серым и вязким.

Девчонки тоже примолкли. Их наигранный смех оборвался, фальшивая легкость сменилась откровенной тревогой.

— Задokumentирован факт оказания платных интимных услуг, — резюмировал полицейский издевательски.

Потом нас всех загрузили в старый синий «бобик» и повезли в отдел.

Я могла думать только об одном — сейчас меня оформят, и можно считать, что я засветилась. Как скоро мое местоположение станет ему известно? Когда его длинные руки дотянутся до меня?

Не имеет значения, что я сменила город. С его связями можно достать кого угодно и где угодно. Когда ему донесут, что я здесь, он вернется за мной.

Меня затошнило от страха. Руки вспотели, всё тело дрожало, хоть с виду я старалась сохранить спокойствие.

Дежурные с явными следами похмелья записывали на-

ши данные, оформляли протоколы. Они смеялись над нами, подшучивали, потирая покрасневшие из-за мороза руки.

— А на эту посмотри, как притихла, — сказал один, с усмешкой кивнув на одну из девушек. — Раньше голосила, права качала, а сейчас смирно сидит. Вкус правосудия почувствовала.

Когда оформление закончилось, нас перевели в маленькую комнату с решеткой на окне. В ней сконцентрировалось всё то, что город старался снести со своих улиц: проститутки, бомжи, карманницы. Женщины с лицами, покрытыми синяками, с потемневшими руками, с потухшими взглядами.

Я села на лавку и прикрыла глаза. Вокруг звучала ругань, смех, плач — всё смешалось в раздражающий гул. Я старалась думать о главном: мне нужно любыми путями уехать из Петербурга. Как можно дальше — туда, где он не сможет меня найти.

Павел Петрович явился только под утро, с большой пачкой денег, призванной нас всех выкупить. Он выдал полицейскому конверт — всё, что нужно, чтобы закрыть вопросы.

Когда мы все вышли из полицейского участка к машине, он приказал мне сесть на переднее сидение рядом с ним. Я постаралась сместиться к самой дверце, как можно дальше от него, насколько позволяла теснота. Всю дорогу он орал на нас, покрывая изошренным матом. Он был в бешенстве

из-за того, что нас поймала полиция, и кричал об ужасных убытках, которые он потерпел из-за нашей глупости. Правда, в чем именно заключалась наша глупость и вина, я так и не поняла.

Потом он переключился конкретно на меня. Орал, что от меня одни проблемы и убытки, что всё, с чем он возился, полностью себя не оправдало.

— Ник... он всё равно не придет, — бросил он в бешенстве. — Если бы мог, уже давным-давно бы приехал... Я узнал. Навел справки. Там всё плохо. Какая-то серьезная заваруха. Он пропал — либо сел, либо сдох. Он за тобой не придет.

Последняя фраза прозвучала как приговор. Как пощечина. Будто меня изо всех сил ударили по голове. Я вся сжалась.

— Но ничего... Я найду тебе применение. Ты будешь работать, как другие девочки, — в его голосе была эта липкая, затаённая похоть, которую не спутаешь ни с чем. — Пора отдавать долг за крышу над головой и еду. А я... я попробую тебя первым. Оценю, что ты уже можешь, а чему тебя стоит поучить...

Глава 4.

Я закрыла глаза. Ник за мной не придет. И сейчас он...

Да, нужно смотреть правде в глаза — возможно, он уже мёртв.

Все внутри меня похолодело. Весь мир сконцентрировался в одной точке — безумной, разрушительной боли. Это я его убила. Только я одна виновата во всем.

Мне казалось, что я задыхаюсь. Что меня сейчас просто раздавит этой болью, как многотонной плитой. Все вокруг просто перестало существовать. Исчезло, вместе с Ником.

Я даже не почувствовала, как мерзкая, липкая рука легла на мое бедро. Как тепло чужой ладони пронзило тело.

Если Ник мёртв — значит, всё кончено.

И теперь никто не встанет между мной и бездной. Никто меня не спасет.

Не смея вырваться, не смея подать голос, я стиснула зубы и закрыла глаза. Всё внутри меня затопило мутной водой, и только одно ощущение пробивалось сквозь эту тяжесть: тупой, вязкий ужас.

— Ты чего, заснула, а? — Петр Павлович грубо толкнул меня в бок. Я отмерла, заморгала.

Он резко вывернул во двор, припарковался так, что колесо заехало на бордюр. Заглушил мотор, выругался и вылез. Я последовала за ним.

В квартире девчонки сразу разбежались по комнатам, не желая попасть под горячую руку злого сутенера. Он снял куртку, тяжело выдохнул и посмотрел на меня, растерянно застывшую на пороге.

— Скоро найду тебе применение. Не просто же так я тебя кормил...

Он ушел на кухню, а я облокотилась о стену и сползла на пол. Комната качалась, как лодка. Я не чувствовала своего тела.

Ник. Его голос. Его глаза. Его руки.

«Он либо сел, либо сдох...»

Из-за меня.

Я начала задыхаться.

И чтобы выдернуть себя из состояния подступающей панической атаки, резко встала на ноги.

Пришлось напомнить себе о том, что здесь оставаться больше нельзя. Нельзя ждать, когда за мной придет Ник. Нельзя верить. Нельзя надеяться.

Надо уходить. Сегодня. Сейчас.

Павел Петрович сидел, развалившись в кресле, уже с очередной рюмкой в руке. Когда я вошла, он повернулся, уже собираясь выдать очередную порцию претензий в мой адрес, но я опередила его.

— Хочешь меня? — спросила я спокойно. — Так возьми. Прямо сейчас. Зачем тянуть?

Он опешил, а потом лицо его расплылось в самодовольной

ухмылке.

— Вот это по-нашему... — протянул он, медленно вставая. — Наконец-то дошло, где твой хлеб мажется... А я уж думал, ты у нас вся такая гордая.

— В мою комнату, — шепнула я. — Там нам будет удобнее.

Он пошёл за мной, довольно хмыкая. Зашел в комнату, плюхнулся на мою кровать и начал расстёгивать рубашку, облизывая губы. На лице застыла мерзкая, самодовольная ухмылка. Он наслаждался властью надо мной и собирался хорошенькой меня помучить.

Я подошла ближе. Отвращение всколыхнулось в груди, подкатило комом в горле, но мне сейчас было не до него. Нужно до конца отыграть сцену.

Его рука тут же легла мне на бедро. Вторая — полезла навверх, под кофту.

— У-у-у... — выдохнул он, захрипев от удовольствия. — Вот теперь ты мне нравишься...

Я сдерживалась. Изо всех сил. Сдерживала рвотный позыв, отвращение, желание ударить. Села на него сверху.

— Ну вот, другое дело... — пробормотал он. Свинячьи глазки заблестели. Руки снова потянулись ко мне. Пальцы вонзились в бёдра, в спину. Он дышал тяжело, как раненый зверь.

Я использовала несколько заученных приемов из стриптиза — толкнулась несколько раз бедрами, потерлась грудью

о его лицо. Когда он поплавился, провела ладонью по его груди, наклонилась ближе к уху и прошептала:

— Подожди минутку. Мне надо... ну, ты сам понимаешь... почистить перышки. Я же провела ночь в полицейском участке... Я быстро. Просто хочется, чтобы тебе всё понравилось. Ты же любишь, когда красиво?— прошептала я, опускаясь чуть ниже. Пальцы скользнули по его груди — влажной, пористой, пахнувшей перегаром. Отвратительно.

Он замычал недовольно, но махнул рукой.

— Быстро только. А то я щас сам на тебя полезу, без всяких перышек.

Я встала, вышла из комнаты, выдохнула резко, как будто вырвалась из толщи воды.

И сразу придвинула к двери тумбочку, стараясь действовать бесшумно. Потом туда же стул. Всё, что под руку — к двери. Закрыть его. Заблокировать.

Руки дрожали так сильно, что я не сразу смогла попасть в карман его куртки. Пальцы цеплялись за подкладку, путались в ткани.

Наконец — нащупала конверт. Запасной конверт на тот случай, если предложенных полицейским денег окажется недостаточно.

Я сунула его за пояс штанов, прикрыла кофтой.

— Даже не думай, — раздалось вдруг голос совсем рядом. Я вздрогнула.

Мия — которая Маша — наблюдала за мной из-за угла в

полумраке коридора. Ее глаза блеснули злобой. Она подлетела ко мне, схватила за руку.

— Даже не думай сбегать, слышишь? — прошептала она. Ее пальцы её вцепились намертво. — Я всё видела. И если ты думаешь, что оставишь меня в этом аду... Возьми меня с собой, или я закричу.

Вдруг раздался стук. Резкий, тяжёлый стук с другой стороны коридора.

Глава 5.

— Чёрт... — выдохнула я.

Теперь он уже не только колотил в дверь, он кричал:

— Ты чё творишь? Открой немедленно! Я тебе ща такое устрою!

Грохот усилился. Сутенер пытался открыть дверь изнутри, но тумбочка держала. Пока еще.

Лицо Маши побелело. В глазах — страх, такой же, как у меня.

— Возьми меня с собой, ты же обеща...

Я вырвалась. Резко, грубо. Так, что ногти полоснули по ее коже. Животный ужас толкнул меня вперед.

Вцепилась в его куртку, вывернула карманы, достала ключи. Грохот за спиной стал яростнее.

Я вылетела в подъезд в тот момент, когда дверь все-таки поддалась. Он уже вышибал мои баррикады.

Выбежала на улицу — и тут же услышала позади себя шаги. Маша догоняла. Упрямая, бешеная сука. Вцепилась в мою куртку, пытаюсь меня остановить.

— Не смей сбегать одна!

Я дёрнулась, но она держала мёртвой хваткой. Тогда резко рванула вбок — ткань затрещала, и я вывернулась из рукавов. Но в ответ Маша повисла на мне всей тяжестью своего хрупкого тела, и мы обе упали в снег.

Холод впился в кожу, но я его не чувствовала. Мы сцепились. Я пинаясь, царапаясь, отталкивала.

— Ты должна взять меня с собой! — кричала она, тяжело дыша, уткнувшись лбом мне в щеку.

— Отпусти! — задыхалась я. — Дура, отпусти! Он нас обоих поймает!

Она схватила меня за горло, и я пнула её со всей силы, не разбирая куда. Девушка застонала, отлетела в сторону.

И тут слышались шаги.

Тяжёлые. Быстрые.

Он бежал к нам, как разъяренный бык. Рубашка нараспашку, глаза налиты кровью. Увидел нас. Замер.

— Стоять, суки! — рявкнул он, и это было уже не голос, а раскат ярости.

Мы обе подорвались, как по команде. Сначала в разные стороны, потом снова почему-то оказались вместе. Две тени по снегу.

Кроссовки ужасно скользили по оледеневшему снегу. Каждую секунду я рисковала упасть и либо разбить себя голову, либо оказаться пойманной. Позади слышались проклятия, угрозы, потом грохот — он споткнулся, но с удивительной для человека его габаритов проворностью поднялся на ноги и снова побежал за нами.

Я не знала, куда бегу.

Дома казались одинаковыми, улицы — бесконечными. Маша вдруг резко свернула в арку, я метнулась за ней, едва

не врезавшись в стену. Узкий проход вывел нас во двор, заставленный машинами, по периметру — глухой металлический забор и одна калитка. Закрытая.

— Куда?! — выдохнула я, оглядываясь. — Мы в тупике!

— За мной, — бросила Маша.

Она двигалась быстро, с какой-то внутренней картой в голове. Я поскользнулась на льду, врезалась в припаркованную «девятку», но продолжила движение, глотая холодный воздух, который рвал горло.

— Вон туда, — прошипела Маша и ткнула пальцем в узкий проход между домами.

Я больше не спорила. Просто бежала за ней.

Мы свернули за дом и замерли в тени подъезда, пытаюсь отдышаться. Я стояла, опираясь о стену, ладонью прикрывая грудь — сердце колотилось где-то в горле, дыхание сбивалось. Снег налип на волосы, на плечи, медленно таял и тек за воротник.

Прошло несколько минут в томительном ожидании возобновления погони. Только потом я разрешила себе выдохнуть. Похоже, мы оторвались.

Я присела на ступеньку, обхватила колени, положила на них лоб. Голова кружилась. Казалось, что если я сейчас закрою глаза, то просто отключусь.

Маша прислонилась к стене, дышала хрипло, будто выкашливая легкие.

А потом — резко:

— Половину.

— Что?

— Половину бабок мне гони! За мое молчание! Без меня ты бы не вышла. Так что давай, не тупи.

Я вскинулась:

— Ты офигела? Там и так немного совсем!

— Плевать. Делим — и дальше каждый крутится как может.

— Да пошла ты...

— Ты что думала, я побег устроила ради твоего счастья?
— огрызнулась Маша. — Каждый спасает свою шкуру.

Я вздохнула. Мне хотелось вцепиться ей в волосы. Хотелось ругаться, спорить, обвинять, но всё это требовало сил, которых у меня больше не было. Я достала из-за пояса конверт, вытащила примерно половину — может, немного меньше — и молча протянула ей. Она забрала, не пересчитывая. Мы обе понимали, что этих денег в любом случае не хватит надолго.

— Вот и славно, — кивнула. — Теперь мы квиты.

Я поднялась.

— Куда ты? — она перегородила мне путь. — Куда теперь пойдешь?

Я пожала плечами.

— Куда-нибудь подальше отсюда...

— Я с тобой.

— С чего вдруг?

— А мне всё равно больше некуда.

Я смотрела на неё несколько секунд. А потом просто кивнула.

Глава 6.

Мы приехали на вокзал, взяли билеты на ближайший поезд и к ночи уже были в Москве.

За всю дорогу ни сказали друг другу ни слова: то дремали, то просто молчали, уставившись в разные окна. По началу Маша еще пыталась завести со мной светскую беседу, но потом до нее дошло, что я, мягко говоря, не в восторге от нашего соседства. Я даже не пыталась делать вид, что рада ей.

Потому что именно в поезде я поняла, что потеряла свой телефон. Последний подарок Ника, та самая тоненькая ниточка, которая хоть как-то связывала меня с ним. Скорее всего, он выпал у меня из кармана куртки, пока мы с Машей дрались, катаясь на снегу.

Чтобы восстановить сим-карту, нужен паспорт, а мой остался вместе с другими вещами в комнате на втором этаже ночного клуба «Зажигалка». Когда мы с Ником бежали оттуда, я была не в том состоянии, чтобы думать о документах. Кроме того, для сим-карты нужен хотя бы какой-то телефон, а у меня нет денег даже на кнопочный.

Теперь Ник точно никогда мне не позвонит. Даже если он жив. Даже если захочет вернуться.

Эта мысль убивала, лишала мое дальнейшее существование хоть какого-то смысла. Всю дорогу я отчаянно боролась с желанием придушить ту, которая стала причиной моей по-

тери.

Значит, мне и правда придётся забыть о нем. Выбора больше не было.

Москва была другой. Огромной. Резкой. С равнодушными глазами.

Прямо там, на вокзале, мы начали искать себе пристанище. Листали на разбитом Машином телефоне объявления о съеме квартир. Большинство из них были нам не по карману. Те, которые кое-как вписывались в бюджет, вызывали отвращение — они выглядели даже хуже петербургского притона. Мне, большому счету, было всё равно. Главное — крыша над головой и отсутствие сутенеров, желающих меня завалить. И хотя бы пара дней тишины.

Наконец нашлось что-то подходящее — в спальном районе, на последней станции серой ветки метро. Квартира была ожидаемо ниже среднего: скрипящий липкий линолеум, облупленные стены, диван с провалившейся серединой. Газ едва тянет, горячей воды нет, окна промёрзли изнутри. Но зато почти две комнаты — владелица гордо назвала это «евродвушкой». По крайней мере мы с Машей могли не делить кровать, а разойтись по своим углам. Я точно оценила эту приватность.

Хозяйка внимательно осмотрела нас — очевидно, что мы не внушали ей доверия, и это можно было понять. Мы обе выглядели паршиво, а на мне зимой даже куртки не было. Но в конце концов обмен все-таки состоялся — мы ей деньги,

она нам — ключи.

— Всё, добрались до цивилизации, — хмыкнула Маша, падая на кровать. — Почти люкс.

Те деньги, что остались у нас после побега, растаяли как серый февральский снег — быстро и без следа. Большую часть сожрала аренда и залог, остальное — продукты и проезд. Мы изо всех сил старались не тратить, но в Москве это бесполезно.

Каждое утро начиналось одинаково: с пустого холодильника и тупого вопроса «что делать дальше». Самое очевидное, но далеко не самое простое — нужно найти работу.

Мы ходили по собеседованиям. Я пыталась зацепиться за любую более-менее приличную работу, лишь бы не возвращаться на сцену. Но каждое "приличное" место на поверку оказывалось не очень-то приличным, каждый разговор с руководством заканчивался одинаково — заигрыванием или грязными намеками. Или зарплата — как подачка, или условия — как в тюрьме.

Пару раз удавалось взять смену в кафе — убираться после закрытия. Несколько раз я вышла официанткой в забегаловке, но после первых прикосновений клиентов — чужие, липкие пальцы ниже талии — ушла. Я слишком хорошо помнила, что последним, кто меня касался был Ник, поэтому любые прикосновения воспринимала чересчур болезненно. Да, потом меня пытался лапать Павел Петрович-сутенер и после этого, приехав в Москву, я оттиралась жесткой мочалкой под

кипятком, но прикосновения Ника невозможно было этим стереть. Они отпечатались в сердце. Каждую минуту я все еще чувствовала его.

Маша по ночам подрабатывала «на телефоне» — болтала с мужчинами за деньги. Я слышала, как она щебечет в трубку, а потом отбрасывает телефон и долго лежит, уставившись в стену пустыми глазами.

Я жила на автомате. День начинается и заканчивается одинаково. Сон — отрывками, еда — на бегу. Город больше не казался страшным. Он стал равнодушным.

Но это все было нормально, даже хорошо. Потому что заботы, беготня по собеседованиям и мысли о том, где бы достать денег на еду и сигареты отвлекали от неизвестности.

Где сейчас Ник? Жив ли он?

Днем мне удавалось не думать об этом, но ночью, когда за стенкой храпели соседи, а ветер завывал за окном, мысли все равно приходили, как бы я их не гнала.

Я прокручивала в голове наш последний разговор и мучила себя вопросом — неужели он и правда был последним? Он же обещал мне, что вернется, практически поклялся мне.

Так прошёл месяц.

Иногда я ловила себя на том, что вглядываюсь в прохожих. Слышу знакомый голос и вздрагиваю. Чувствую в метро, среди тысячи прохожих, его парфюм. Иногда — ищу его взгляд в толпе.

Головой понимаю, что он не может быть здесь, но страда-

ющее сердце ловило каждый глупый, безнадежный шанс.

Иногда я говорила себе: "он умер", думая, что лучше смирение, чем беспросветная неизвестность. Надеялась, что так мне станет хоть немного легче, но легче никак не становилось.

Каждую ночь я дожидалась, когда Маша уснет, и брала ее телефон.

Это стало моей зависимостью, чем-то, без чего я не могла заснуть.

Новости. Пабрики. Форумы. Криминальные сводки. Всё, что связано с моим городом, который я, вроде бы, оставила далеко позади. Я смотрела, как течет та жизнь, в которой меня больше не было.

Что я искала? Не знаю. Что-нибудь. Что угодно. Любую деталь, самую маленькую зацепку, крошечный намек, который бы помог мне понять, что случилось с Ником.

Но находила я в основном жалобы на снег, который не убирают, жалобы на пробки на выезде, на нового мэра, на стройку в парке, на неудачный детский утренник. Фотографии многочисленных ДТП, на которых я искала машины, похожие на те, что были у Ника. Потом уже листала, не вникая, просто водила пальцем. Именно поэтому едва не пролистала заголовок, который ничем особенно не выделялся на первый взгляд.

«Пожар в многоэтажке со смертельным исходом»

Глава 7.

Я замерла. Текст плыл перед глазами, пока я читала.

«В ночь с пятницы на субботу в одной из квартир на улице Мира произошёл пожар. Следствие отрабатывает версию преднамеренного убийства и последующего поджога. Подозревается, что пожар возник уже после гибели — вероятно, чтобы скрыть следы преступления. Имя погибшего не разглашается, однако источники утверждают, что речь идёт о сотруднике органов внутренних дел, известном в регионе».

Телефон выскользнул. В голове — пусто, будто вырубили звук.

Я вспомнила, как Ник сказал мне тогда: "у меня есть неоконченное дело". Как в его голосе звучало что-то такое, чего я раньше в нём никогда не слышала. Какая-то убийственная, жестокая решимость.

К горлу подкатила тошнота. Эта новость не принесла ясности. Появилось только еще больше вопросов.

Действительно ли это он погиб, мой мучитель? Мог ли это сделать Ник? Если это был Ник — значит ли это, что он жив? Что с ним теперь? Где он? В тюрьме? Или в бегах? А может, он залег на дно, и мне действительно не стоит пытаться его искать?

Я перечитала статью еще несколько раз, испытывая странное, тяжёлое ощущение. Глухое осознание, что этот человек

больше не существует. Всё, что он делал, больше никогда не повторится — ни со мной, ни с кем-нибудь еще. Он никогда меня не найдет. Его длинные руки не дотянутся ко мне из ада.

Я не чувствовала победы или облегчения. Только невыносимую, обжигающую горечь от того, что все это вообще случилось со мной. Это уже произошло, и никак не стереть, хоть он трижды сдохнет.

Когда я перечитала строчку: «Квартира на улице Мира» в пятый раз, я наконец осознала, что там же, на одном этаже, находится квартира, в которой живет мой отчим. И мой брат...

Если пожар был сильным...

Я снова схватила телефон, начала лихорадочно искать подробности. Что угодно — фотографии, комментарии, репосты очевидцев. Листала, прыгала по ссылкам, заходила в комментарии. Никто ничего не писал о других пострадавших, но и прямо — о том, что никто больше не пострадал — тоже ничего не было.

С каждым новым сообщением внутри нарастал ужас.

Я поняла — мне нужно самой поехать туда, чтобы понять, что на самом деле случилось. Увидеть собственными глазами его обожжённую квартиру. Убедиться, что с братом все хорошо. Попробовать разыскать Ника.

Но на поездку туда мне нужны деньги, которых у меня так и не прибавилось с момента переезда.

Приняв внутри себя решение заработать их любой ценой, я открыла поисковик и вбила: "стриптизклуб работа москва".

Глава 8.

Долго смотрела на экран, читала отзывы, изучала фото. В основном танцовщиц набирали клубы, похожие на «Зажигалку». Туда идти я опасалась — мне не нужны дешёвые стрипушники, в которых танец это лишь прикрытия для проституции.

Я выбрала самый дорогой, надеясь, что, по крайней мере, в элитных клубах все иначе. Вот только возьмут ли меня? Я явно не дотягивала до элитной.

И все-таки позвонила. Сразу, едва настало утро, даже не ложась спать. Спокойный голос администратора попросил скинуть фотки, а потом в сообщении пригласил на просмотр в ближайший выходной.

Клуб оказался не просто "дорогим" — он был словно из другого мира. Мраморные полы, вместо стен везде зеркала, мягкая мебель, театральная тишина в гримерке, охрана в строгих костюмах. Девушки, пришедшие на кастинг, выглядели как богини, сошедшие с глянцевого обложки.

Пока я ждала своей очереди на просмотр, возле меня стояли две подруги. Обе при полном параде: макияж с блёстками, юбки, больше похожие на пояса, туфли на высоком каблуке. На мне же — тёмные джинсы и куртка с чужого плеча. Я чувствовала себя неуместно в этом царстве страсти и гламурного блеска.

Подруги переглянулись между собой, усмехнулись — не зло, а скорее скучающе.

— Новенькая? — спросила одна, с голосом прокуренной барби. — Первый раз здесь на кастинге?

Я кивнула.

— Ты в курсе, что сюда очень сложно попасть? Мы вот уже третий раз приходим и пока пролет...

Ее слова вселили в меня еще большую неуверенность. Если даже такие роскошных девушек не берут, то куда уж мне? Наверное, не стоит даже пытаться.

Одна из них — высокая, с тату на ключице — наклонилась ко мне и прошептала:

— Если действительно хочешь, чтобы тебя взяли, поговори с концертным директором.

— Ты же понимаешь, как это работает, — подхватила ее подруга. — Намекни на то, что ты его отблаговаришь.

— Намекнуть?

— Ну да. Не в лоб же такие вещи предлагать, — хихикнула первая. — Типа: "я хочу здесь работать, готова быть лояльной"... Он поймёт.

В этот момент меня вызвали, и я вышла через пыльные, тяжелые кулисы на сцену. Вокруг везде были зеркала, и я отражалась в них, множа свой образ. Пустой зал был погружен в полумрак. Только один мужчина сидел в первом ряду — высокий, в чёрной водолазке, с планшетом в руках. Просматривал анкеты. Он даже не поднял голову, когда я вошла.

Я догадалась, что это и есть концертный директор.

— Алиса? — спросил он, листая. Эхо разнесло по залу его голос.

— Да.

— У вас есть опыт?

— Танцевальный?

— Ну да, вы ведь не на бариста устраиваетесь.

Я сглотнула.

— Да. Я занималась с девяти лет. В танцевальном коллективе. У нас даже гастроли были... по городам. Маленьким.

Он наконец поднял на меня взгляд.

— Гастроли — это хорошо. А в каком стиле танцы? Народные?

— Эстрадно-спортивные. С элементами акробатики.

— Ну и отлично. Разминайтесь пару минут, потом я включу трек, а вы симпровизируете.

В этот момент свет над сценой полностью погас, зато вспыхнул один большой яркий круг. И я оказалась в центре этого круга. Танцевать было страшно. Я давно не выступала и сейчас не чувствовала сцены.

Но тело вспомнило. Через три минуты я двигалась так же легко, как почти год назад, на одном из последних выступлений с коллективом. Когда у меня еще были настоящие танцы, а не дешевый стриптиз.

Когда я закончила, он ничего не сказал. Просто кивнул и вернулся к планшету.

— Я просто хотела сказать... — начала я, испугавшись, что сделала что-то не так и упустила свой шанс, — что мне действительно очень важно здесь работать. Я готова быть... гибкой. Ну... Лояльной. Если потребуется.

Он поднял на меня глаза. Взгляд был не злым, а скорее холодным.

— Гибкой... — повторил он.

Я почувствовала, как лицо начинает гореть.

— Тебе кто-то посоветовал это сказать?

— Простите... — прошептала я. — Я просто подумала...

Он закрыл планшет.

— Я сам всю жизнь отдал танцам, так что могу судить...

Ты хорошо двигаешься, отлично владеешь телом. Тебе не нужно намекать на какую-то особенную гибкость, кроме той, что нужна для работы у шеста. Здесь таких, как ты, совсем немного. Если бы решение было только за мной, я бы тебя взял. Но я могу только отсеять неподходящих. Окончательное решение всегда за владельцем клуба. Он лично проводит отбор.

Я молчала. Щёки жгло. При мысли о том, какой именно личный отбор может устроить этот самый владелец, стало не по себе еще больше.

— Возвращайся в гримерную и жди, — бросил директор.

— Тебя вызовут вместе с остальными, кто прошел во второй тур.

Глава 9.

Я просидела в переполненной гримерке несколько часов. Казалось, очередь из бесчисленных девушек никогда не закончится. Потом нам сказали раздеться до белья и выйти на сцену, которая была полностью залита белым светом, как операционная. Холодный прожектор высвечивал каждую деталь: макияж, кожу, походку, даже тени под глазами.

Нас выстроили в линию — и оказалось, что нас всего семь человек. Меня трясло от напряжения, хотя снаружи я держалась спокойно.

— Спину ровно, плечи — назад, — прошипела директор, отходя в сторону.

Мы застыли на сцене, точно сборище манекенов, и в таком положении неподвижно простояли около двадцати минут.

Мне хотелось уже выйти отсюда и покончить с этим с этим издевательством, но в этот момент с грохотом распахнулась дверь и в зал вошёл он. Хозяин клуба в сопровождении четверых охранников. Я безошибочно определила, что именно он здесь главный, несмотря на то что он был явно моложе всех остальных.

Высокий, в чёрной рубашке, острые скулы — первое, что явно бросалось в глаза. Но это было не главное в его облике. Главным была абсолютная, сшибающая с ног уверенность, которую он распространял вокруг себя. Он шёл как человек,

который владеет не только этим залом, но и всеми, кто в нём стоит. А может быть даже не только этим, но и всем миром тоже.

Он остановился перед нами и начал неторопливо осматривать одну за другой: взгляд — быстрый, цепкий, точный. У кого-то задерживался на лице, у кого-то — на ногах. Кого-то сразу отбрасывал взглядом, даже не возвращался.

Когда дошёл до меня — замер.

А я смогла разглядеть еще одну деталь, которая делала пугающим его облик. У него были чёрные глаза. Не просто тёмные — чёрные. И какие-то холодные, невозможно пустые, как и все его непроницаемое лицо.

От его взгляда по моему телу расползлся холод.

Потом он прошёл дальше, сказал что-то директору и вышел. Все девушки почти одновременно выдохнули. В присутствии владельца почему-то всем стало не по себе, хотя он явно был хорош собой. Возможно, его даже можно было бы назвать красивым.

— Можете расходиться, — крикнули нам из темноты.

Я спустилась обратно в примерку, оделась, собрала вещи, и, когда уже была готова уходить, зашел концертный директор.

— Тебя выбрали. Сегодня вечером — первая тренировка, будем ставить тебе номер. Потом выйдешь в график, начнешь выступать сначала в паре с кем-то, потом и одна.

— Я?.. — до меня не сразу дошло что это значит.

— Он сказал: «шестую — оставить». Ты — шестая. Поздравляю.

Он протянул мне руку и крепко ее пожал.

Глава 10.

Через неделю ежедневных тренировок я вышла на сцену элитного клуба «Зазеркалье» в первый раз. Конечно, это был совсем другой уровень. Совсем не похож на типичный стрипклуб — скорее, на театр. Театр эротического танца.

Объявили моё имя — мое настоящее имя. После смерти мучителя, я уже не хотела его скрывать. И я вышла на сцену. В зале — полумрак, розоватый свет, дым от кальянов, шелест крупных купюр, которые должны к концу номера перекочевать в мои трусики. Музыка уже звучала, ритм бил в груди.

И тут я почувствовала его взгляд.

Не сразу — сначала возникло какое-то внутреннее напряжение, будто свет стал ярче, а дым удушливее.

Он сидел в глубине зала, в тени, за перегородкой, отделяющий основной зал от ВИП. Окружённый людьми, но будто один. И смотрел на меня. Хозяин клуба. Тот, кто выбрал меня из сотен прекрасных девушек, которые раз за разом штурмовали кастинг. Именно благодаря ему я сейчас здесь.

Я сбилась на долю секунды, потеряла ритм, но быстро взяла себя в руки. Я не имела права облажаться прямо у него на глазах.

Такой шанс в жизни дается один раз. Особенно таким, как я — без связей, без защиты, без поддержки. Один раз — и

если срежешься, тебя просто выкинут.

Но от его взгляда мне стало не по себе.

Не потому, что он как-то неприлично пялился или что-то подобное — нет. В его взгляде не было пошлости. Он просто... смотрел. Холодно, внимательно. Это был взгляд усталого хищника. Не того, кто голоден — а того, кто слишком долго во главе стаи.

Этот странный взгляд так резко контрастировал с его молодостью, что мне впервые пришла в голову мысль, что за всем этим точно стоит какая-то трагичная история.

В ту ночь я благополучно выступила, и меня окончательно приняли в команду, поставили в график. Очень скоро я втянулась в эту работу.

Никто меня не трогал. Никто не приставал. Все обращались друг к другу вежливо, на "вы".

Я ходила на все тренировки и бесконечно репетировала. Оставалась днем после ночных смен — потому что после них было трудно уснуть, приходилось изматывать себя до изнеможения. Свет слепил. Грим тек. Спина болела. Но в этом всё было... что-то правильное.

На сцене я снова чувствовала свое тело. Контроль над ним. Я не была вещью или куклой, в которую можно поиграть. Я была почти что актрисой, пускай и без реплик.

Маша сначала очень обрадовалась моему трудоустройству и сказала, что гордится мной. Что я молодец. Что сама бы тоже так хотела.

Но к тому моменту, когда я, немного закрепившись на новом месте, предложила ей тоже прийти на кастинг, она начала исчезать по ночам. А потом вообще привела в нашу квартиру мужчину, хотя мы с ней с самого начала договаривались никого не водить. Сказала, что это её "хороший друг" и что он всего один раз переночует.

Он действительно провел в квартире только одну ночь, зато на следующую появился новый «товарищ». На третью ночь еще один. На четвертую — двое за ночь.

Когда я вспылила, Маша начала оправдываться:

— Да это все временно! Пока зима. Потом брошу. Весной, так и быть, схожу к тебе на кастинг.

Но мне было ясно как день, что никакого кастинга весной не будет. Несмотря на все мечты о лучшей жизни, которыми она делилась со мной, я понимала, что прошлое засасывает ее обратно. И гораздо проще вернуться в проторенную колею, нежели начинать заново. Маше было проще вернуться туда, откуда она бежала.

Так в нашем доме поселился запах чужих мужчин.

Мы с ней никогда особо не говорили о прошлом. Только один раз в особенно паршивый день, когда выпили дешёвого вина. Она вывалила на меня все — тяжелое детство, пьющая мать, регулярно насилюющий ее отчим, побег из дома. Я рассказала свою историю. Так мы вдруг обнаружили насколько похожи, насколько близки наши жизненные пути — две девчонки, которым слишком рано пришлось взрослеть.

Мне искренне захотелось помочь ей, вытащить из трясины.

Но теперь я старалась держаться от нее подальше. С удвоенной энергией начала копить деньги — теперь нужно не только на поездку в родной город, но и на отдельное жилье. Домой приходила только спать. Иногда — не приходила вообще. Оставалась ночевать прямо на диванчике в примерной.

Регулярно просматривала варианты — убитые однушки или студии в доме общажного типа на окраине. Недорого, но всё равно больше, чем у меня есть. Я копила на поездку. Съёмная квартира пока никак не вписывалась в бюджет.

С Машей мы почти не разговаривали. Только по делу: молоко на верхней полке, батарея сдохла, ты не видела мой топ? Она демонстративно хлопала дверями, я — демонстративно молчала. После её возвращения «в ремесло» между нами выросла стена.

Но все-таки она почти перестала водить в дом мужиков, старалась чаще уходить сама. Я не спрашивала, где она была, она не спрашивала, зачем я сутками пропадаю на работе. Сожительство превратилось в сосуществование. И мне срочно нужно было выбираться.

Как-то раз она вернулась под утро. Пьяная, бледная, с пустыми глазами. Молча прошла мимо меня и упала прямо в одежде на кровать. Когда через несколько часов она очнулась и попросила принести ей воды, я заметила, что она вся избитая — синяки и ссадины прямо на лице.

Я выронила стакан из рук. Попыталась образумить ее, за-

ставить испугаться того, что с ней делают, остановиться, оборвать все. Но в ответ на мои увещевание она вцепилась мне в волосы и начала орать:

— Думаешь, ты лучше?! Думаешь, что ты лучше меня, да, стерва?

Я попыталась её оттолкнуть. Она ударила. Я ударила в ответ. Началась драка — нелепая, уставшая, полупьяная. Я боялась только одного — что на моем лице останутся отметины, и как мне тогда выходить на сцену? Меня не выпустят. Каждый раз перед выходом нас тщательно осматривали. Я тратила львиную долю своего заработка на уход.

На работу в тот вечер я пришла намного раньше, чем нужно. Лучше уж торчать в стрипклубе, чем в квартире, которая плавно превращалась в притон. В примерке привычно пахло тонким парфюмом и пудрой. Несколько девушек уже собирались. Одна из них бросила на меня взгляд:

— Ты тоже на яхту?

— На что?

Тут подошел концертный директор.

— Алиса, ты в списке. Сегодня работаем на выезде. Частное мероприятие для владельца. Закрытая вечеринка на яхте для его друзей.

Глава 11.

Это был полноценный теплоход-«ресторан» — белый, с лакированной палубой и лестницей, ведущей на верхнюю террасу. Музыка в зале уже звучала — не клубная, а что-то ближе к лаунджу с восточными нотами. Нас встретили и без лишних слов провели в техническое помещение, чтобы мы могли переодеться.

Я стояла у зеркала, рисовала стрелки на глазах и думала только об одном: нет ли тут какого-то подвоха? Не будут ли подвыпившие гости к нам приставать? А если будут, можно ли будет отказаться? И повлечет ли отказ за собой последствия для моей работы? Я не могу себе позволить сейчас ее потерять...

Мы все вместе вышли в зал, и тут выяснилось, что от нас никто не ждет танцев — мы должны пить, веселиться и развлекать гостей, создавать своим присутствием праздничную атмосферу. И все это в полуголом виде. На сцене больше нельзя было спастись — да, здесь был установлен шест, но прямо на танцполе, где каждый мог до тебя дотронуться. Было полно мужчин — расслабленные, подвыпившие, в дорогих строгих костюмах, они тихо переговаривались, курили кальяны и разглядывали танцовщиц, которые вышли к ним. Нескольких сразу же подозвали, двух с ходу усадили на коленки, одну увлекли в медленный танец, который больше на-

поминал прелюдию. К нашему приезду гости уже хорошенько накидались, поэтому и вели себя более чем раскованно — уже скоро начали хватать девочек, дергать за костюмы, отпускать пошлые шуточки. Воздух сгустился, пахло алко-голем, сигаретами и возбуждением. Пока ещё всё было относительно в рамках, но я видела по их пьяным глазам — это надолго. И мне не хотелось быть рядом, когда начнёт сры-вать тормоза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.